

одного, неизбежно оказалась бы во вредь другому.

Въ основаніи всякаго права лежитъ понятіе о человѣческой личности, какъ о свободномъ индивидуумѣ, понятіе настолько определенное, что изъ него могла выработаться система римскаго права и на него болѣе или менѣе сознательно опираются всѣ юридическія науки.

Совершенно другое дѣло нравственный законъ любви, который не поддается точному выраженію, потому что любовь есть чувство, а не понятіе. Поэтому, строго говоря, *предписывать* любовь невозможно, такъ какъ отъ людей зависятъ только ихъ дѣйствія, а не ихъ чувства. Если же подъ предписаніемъ любви разумѣть предписаніе не чувствовать, а только *дѣйствовать* такъ, какъ мы дѣйствовали бы *еслибы* любили, то является вопросъ, какъ узнать это тамъ гдѣ дѣйствительной любви нѣтъ? Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ моралисты съ глубочайшей древности и до нашего времени сходятся въ томъ, что основаніе нравственности есть любовь. Но какъ сообщить, какъ зажечь искру любви тамъ, гдѣ нѣтъ ея?

„Меня всегда удивляютъ, говоритъ графъ Толстой, часто повторяемые слова: да это такъ по теоріи, но на практикѣ-то какъ? Точно какъ будто теорія это какія-то хорошія слова, нужныя для разговора, но не для того, чтобы вся практика,